

ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА ВОРОНЦОВА

кандидат богословия, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-0272-6513; irinavoronc@yandex.ru

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ РОССИИ О ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВЕ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

А н н о т а ц и я . После революции в феврале 1917 года появилась возможность реализации многолетнего запроса Русской церкви на независимость от государства. В среде культурных, церковных и общественных деятелей началась дискуссия о новом статусе церкви и моделях взаимодействия церкви и власти, наметилась готовность просвещенного слоя русского общества к отделению церкви от государства. Задача статьи – проанализировать все предлагавшиеся в первом полугодии 1917 года модели церковно-государственных отношений и отследить эволюцию запроса. Цель статьи – определить, какие модели церковно-государственных отношений были представлены и как расставлялись акценты и приоритеты. Ответ на этот вопрос позволил бы выдвинуть предположение, что декрет Совнаркома об отделении церкви от государства и школы от церкви (1918) только закрепил внутреннюю готовность многих к тому, чтобы религия стала частным делом граждан, а Православная церковь – одной из общественных организаций. Сегодня актуально восстановление религиозного сознания в социуме как гаранта социальной стабильности, нравственности и традиционной этики, идет поиск механизмов взаимодействия церкви и государственных структур. Это указывает на необходимость обращаться к вопросу о том, что могло способствовать разрушению церковно-государственного союза, функционировавшего до 1917 года. Источниками стали книги и статьи культурно-общественных и церковных деятелей, изданные в первом полугодии 1917 года. Применены проблемно-хронологический, историко-генетический и нарративно-аналитический методы. Анализ содержания предложенных моделей взаимодействия церкви и власти в республиканской России 1917 года показал, что в течение марта – июня из поля зрения общественности исчезла теократическая модель начала века, и подтвердил, что запрос на церковную независимость был заменен в процессе дискуссии на полное отделение церкви от государства с постепенным вытеснением ее за пределы культурно-общественной жизни.

К л ю ч е в ы е с л о в а : церковь и власть, Февральская революция, модели взаимодействия церкви и власти, разделение церкви и государства, 1917 год

Д л я ц и т и р о в а н и я : Воронцова И. В. Общественность России о церкви и государстве в первые месяцы после Февральской революции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 2. С. 47–55. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.731

ВВЕДЕНИЕ

После Февральской революции в России 1917 года русское образованное общество решало вопрос о новых формах церковно-государственных отношений. «О желательных отношениях государства и церкви в новой России», – так можно было назвать немало статей и книг, напечатанных весной и летом 1917 года. Они принадлежали представителям общественности, по-разному относившимся к церкви: тем, кто был против перемен в церковной жизни, и тем, кто еще в 1905 году связал конституционную реформу с церковной, политизи-

ровав ее, а в 1917 году сохранял уверенность, что революция должна привести к «декларации» прав и свобод и в церкви. Волновал он и тех, кто ждал революцию религиозную. На то, какие были предложены формы церковно-государственного взаимодействия, влияла неопределенность внутривластной ситуации в России с февраля по июнь 1917 года: политическая жизнь страны проходила сквозь череду быстро менявшихся событий. Несмотря на то что 2 марта 1917 года, в день отречения от власти императора Николая II, Временное правительство заявило о низвержении старого государственного строя, отречшийся от престола

3 марта великий князь Михаил Александрович выразил готовность принять управление страной, если народ выберет монархию, проголосовав за большое число монархистов на выборах в Учредительное собрание. Это означало, что судьба власти еще могла измениться. Монархическое управление гарантировало бы христианский статус государства, и вопрос самодержавия как формы «церковно-политической власти» занимал в обсуждении свое место. Вместе с тем монархическое управление не дало Русской церкви ожидавшейся ею независимости. И если церковная интеллигенция до 1917 года была за автономию церкви, а религиозная – за теократическую форму власти, то после февраля и те и другие обсуждали отделение. 4 марта 1917 года к обязанностям обер-прокурора приступил В. Н. Львов, товарищем обер-прокурора стал церковный либерал, примыкавший к кадетам, «неохристианин» А. В. Карташев. Они и глава департамента духовных дел иностранных исповеданий С. А. Котляревский стали готовить церковь к отделению. В марте начались аресты близких к Г. Е. Распутину епископов. Заявление В. Н. Львова о предоставлении церкви полной свободы на практике не действовало из-за права светских властей по своему усмотрению останавливать решения Синода. Накануне февраля и в начальный период законодательной деятельности Временного правительства церковь не имела того морально-нравственного авторитета, который позволил бы ей выступить влиятельной силой, а современники епископат такой силой не считали [19: 93]. 10 марта 1917 года журнал «Церковь и жизнь» писал: церковь в опасности, потому что во главе ее – те же чиновники и бюрократы, далекие от религиозной жизни, «что даст эта иерархия церкви в новой России?» Журнал выступил за «очистку церкви» и отделение ее от государства.

По инициативе В. Н. Львова 14 апреля состав Синода был заменен, из прежнего в нем остался только архиепископ Сергей (Страгородский). Как пояснял действия В. Н. Львова А. В. Карташев,

«во имя помощи и облегчения самой церкви и в переходе ее от подневольно-государственного положения к свободному выборному строю, Временному правительству нужно было... акушерски помочь рождению соборной реформы Церкви» [9: 376].

Под предлогом создания «демократической церкви» [11: 7], отстраняя епископов, новая власть в максимально короткое время стремилась «покончить» со старым строем [20]. Закон о свободе совести сделал 14 лет возрастом религиозного самоопределения, что создало предпо-

сылки для удаления Закона Божия из школьной программы и превращения его в факультативный предмет; постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» уже 20 марта лишило преемницу Русской церкви – Православную российскую церковь статуса первенствующей. 20 июня церковно-приходские школы были переданы в ведение Министерства народного просвещения. В таких обстоятельствах в русском обществе, при отсутствии оценки Синодом новой политической власти [2: 16], поднялась волна обсуждения положения церкви в государстве. Какие формы церковно-государственного взаимодействия были обсуждены, приняты или отвергнуты с марта по июнь? Стал ли большевистский декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви насилием над общественным мнением? В предложенной парадигме вопрос не ставился и не был предметом научного исследования.

Интерес к установлению форм взаимодействия церкви и власти в государстве характерен для научных работ, анализировавших пребывание у власти Временного правительства и его законодательную деятельность [16], [17], [18], [20]. Ближе всех к нашей теме подошел А. В. Соколов, изучавший модели церковно-государственных отношений, предлагавшихся *политическими* силами в марте – июле 1917 года [17: 3, 4]. Внимание А. В. Соколова и А. Н. Егорова [6] привлекла деятельность на посту министра исповеданий А. В. Карташева и реализация его программы. Нас же интересует обзор частного мнения представителей русской общественности, не занимавших посты в правительстве. С. П. Синельников рассмотрел формирование модели церковно-государственных отношений церкви и Советского государства и пришел к выводу, что в феврале 1917 года складывалась система отделения церкви от государства в варианте «правомерного отношения государства и церкви» [16: 289]. Общественные силы, приближавшие отделение церкви от государства, исследовались нами в парадигме социально-религиозного поиска в России начала XX века [3], вывод об объективной природе этого поиска продиктовал наше обращение к моделям, выдвигавшимся религиозной и церковной общественностью весной – летом 1917 года.

В задачу статьи не входило описание отношений Православной российской церкви и Временного правительства, – эта тема широко представлена в статьях, монографиях и учебниках церковной истории [1], [10], [14], [15], в том числе по правовой проблематике [5], [13]. За рамками

данной статьи оставлено обсуждение вопроса на Поместном соборе (1917–1918). Целью был опыт изучения узкого сегмента проблемы, чем обусловлен и короткий список историографии вопроса.

Источниками сведений об отношении к церкви в новой политической реальности высокообразованных общественных и культурных деятелей выбраны статьи и книги, написанные весной – летом 1917 года. При отборе учитывались время выхода книги, знакомство автора с церковной историей, юридическое образование, отношение к революции и обновлению Русской церкви, вероисповедный аспект. Привлечены книги и статьи по проблеме «церковь и власть» профессоров П. Я. Светлова² и Н. Н. Фиолетова³, религиозных реформистов А. В. Карташева⁴ [4] и А. А. Мейера⁵, кандидатов богословия Н. М. Малахова⁶ и В. П. Соколова⁷, В. В. Зеньковского⁸, доктора права П. В. Верховского⁹ и редактора журнала «Баптист» В. Г. Павлова¹⁰ [15], ученые высказывания доцента кафедры гражданского права Киевского университета В. И. Бошко¹¹, юриста (впоследствии автора декрета Совнаркома об отделении церкви от государства) М. А. Рейснера¹² [7], статского советника Н. В. Отрокова¹³. Такой широкий охват должен дать максимально верное представление о мнении общественности России по поднятой нами проблеме.

Применены проблемно-хронологический и историко-генетический методы, позволяющие учесть обстоятельства и динамику появления моделей (от марта к июню 1917 года), а также нарративно-аналитический метод, он призван определить основные дискурсы проблемы и дать описание моделей.

* * *

До февраля 1917 года вопрос об отделении церкви от государства в России существовал в трех парадигмах: «независимость (автономность) церкви» (сторонники – клир и ортодоксальные миряне), «отказ церкви от союза с самодержавием» (сторонники – религиозная интеллигенция и христианские социалисты), «неизбежность союза церкви и государства» как естественного взаимодействия, продиктованного самой природой человека (церковная интеллигенция). Так, Н. В. Отроков отмечал, что присущее человеку религиозное чувство «является сильным двигателем... и в жизни целого народа, и в жизни... государства», и государство должно заботиться о развитии этого чувства у своих граждан. А поскольку это «развитие принадлежит церкви», стимулировать к тому призвано духовенство¹⁴. Н. М. Малахов

писал, что церковь не государство в государстве, но особая сила, которая предназначена при содействии благодатных средств проникать и преобразовывать жизнь государства. Церковь может и должна пользоваться политической организацией государства как одним из необходимых внешних и временных орудий для достижения своих целей, государство для нее среда, в которой должна развиваться спасительная деятельность церкви. Признававший «неоднородность» и различие природ и назначения этих двух «институтов», Н. М. Малахов сомневался, можно ли ставить вопрос о том, быть или не быть государству в союзе с церковью:

«Говорить о союзе между Церковью и государством столь же странно, как говорить о союзе между душой и телом. Как между душой и телом существует не союз, а живая, непосредственная, в самой природе их начертанная связь непрерывного взаимодействия, так точно такая же связь и отношение должны существовать между церковью и государством»¹⁵.

Эта модель естественного (бездоговорного) взаимодействия, не привязанная к конкретной политической форме правления, оставалась актуальной в марте – апреле 1917 года. Но после действий, предпринятых В. Н. Львовым, в сочинениях видных культурно-общественных деятелей появились и другие модели новых взаимоотношений церкви и государства: свободная теократия, договорной союз, правовая форма с полным отделением церкви от государства. Обсуждение их велось по нескольким направлениям: какие формы сосуществования церкви и государства есть в истории; в чем различие церковной и государственной областей; в чем выражается свобода церкви и ее независимость; может ли Православная церковь сохранить господствующее положение в новой России; есть ли опасность превращения православной России в безрелигиозное государство. Выяснялись понятия «церковь» и «государство», специфика областей их деятельности, разница и общие интересы, формы сосуществования церкви и государства, имевшие место в истории западного христианства. При выяснении вопроса о том, в чем выражается свобода церкви и ее независимость, участники обсуждения обращались к религиозной, политически-правовой и внутренней свободе церкви. Оценивались риски отделения церкви – гуманитарные, духовные и практические. Все, кто принял участие в этой неофициальной дискуссии (вне договоренности), придерживались того правила, что проблема должна рассматриваться в параметрах республиканской формы

правления и в условиях монокультурного государства.

Помимо этих моделей, с начала XX века в среде русской религиозной интеллигенции была распространена идея религиозной теократии. Она родилась как модификация византийской модели в догме «нового религиозного сознания», но с устранением православного самодержавия и предусматривала отказ церкви от связи с ним в той или иной форме (мистической, политической). В. В. Зеньковский считал абсурдом теорию Д. С. Мережковского о «мистической связи». Он опубликовал статью, в которой назвал исторический союз православия и самодержавия «церковно-политической» формой власти в России. «Крушению» этой формы «предшествовало, – как он полагал, – внутреннее падение» самодержавия, и «давно уже оформилась идея необходимости преодоления самодержавия как церковно-политической формы»¹⁶. Более того, «самодержавие как исторический факт и самодержавие как церковно-политический идеал не только не совпадают, – написал он в 1917 году, – но... глубоко расходятся»¹⁷, самодержавие даже и не знало своего церковного идеала. По Зеньковскому, задача церкви (Царство Божье на земле) была делегирована ею государству в лице самодержавия. Та церковно-политическая идеология, которая сложилась в России, заключалась в «использовании существующей власти», и в этом ошибка русской теократической идеи¹⁸.

«Церковь пыталась оплодотворить идею самодержавия... мечтала влиять на внешний государственный процесс, личность самодержца была проводником и кратчайшим путем к преобразению государственности». Но «меньше всего в царизме было стремления к освобождению общества, к единению классов... неллицемерной любви к бедным и обиженным... Сплошное царство официальной лжи и борьба с нараставшим народным самосознанием...»¹⁹.

Зеньковский считал, что чем скорее церковное сознание похоронит свой былой идеал, тем ярче проявится в истории правда этого идеала и найдет для себя новую форму взаимодействия с государством. Значительная по объему статья Зеньковского явно была написана им весной 1917 года: несмотря на ее позднюю публикацию, она не вписывается в позднейший дискурс проблемы – *полное или неполное* отделение церкви.

В основу модели религиозной теократии была положена идея НРС о единстве (при вочеловечении Второй Ипостаси Святой Троицы) «земного» и «небесного», духовного и социального. Отделение церкви от государства интеллигенция НРС считала религиозной необходимостью. По С. Н. Булгакову, выступившему на I Все-

российском съезде духовенства и мирян, Февральская революция (будучи для государства политической) для Русской церкви имела «религиозное» значение: она освобождала народ от веры в «религиозное освящение» монархии²⁰. С приходом демократии рождался новый церковно-политический союз, и Булгаков считал, что при иерархической структуре церкви он будет таким же «соблазном», что и формула «“православие и самодержавие”», которые рассматривались как нерасторжимое и существенное единство»²¹. По Булгакову, вместо этой формулы у церкви есть иное, религиозное обоснование, – вочеловечение Христа²², и полное отделение церкви стало бы «религиозным отделением», а этого нельзя допустить. При этом христианский социалист С. Н. Булгаков и «неохристианин» А. В. Карташев уже с 1905 года с политических позиций отстаивали различие природ церкви и государства, отрицая право государства диктовать церкви правила ее жизни, а церкви – применять дисциплинарные санкции к священнослужителям, занявшимся гражданско-правовой и политической деятельностью.

Профессор Высших курсов П. Ф. Лесгафта А. А. Мейер, как «неохристианин», верил в религиозную революцию в церкви и считал, что «государственное вмешательство не помогало бы делу, а только портило бы его», что вера в народе не исчезнет после революции, он сохранит церковь и позаботится о ее существовании без материальной помощи государства. Все, кто за свободу совести, должны быть и за отделение церкви от государства²³. Сотрудничавший с «неохристианами» В. П. Соколов, призывая в марте к смене церковных иерархов, писал: «...должно сказать твердо: долгие века путали вы Божье и кесарево. Теперь довольно. Наши дороги разошлись. Для новой России нет “господствующей церкви”»²⁴. Он надеялся, что новый состав Синода проведет революцию в церкви.

Протоиерей П. Я. Светлов систематизировал формы церковно-государственных отношений, обсуждение которых шло с марта по май. Обращая внимание на духовную задачу церкви и ее роль в историко-культурном становлении *христианских* государств, Светлов подробно описал четыре известных в церковной истории типа отношений с государством: господство, подчинение, взаимодействие, разделение. Они же – латинский, протестантский, византийский, республиканско-правовой. Латинский и протестантский, считал он, отличаются «чрезмерным смешением кесарева с Божиим, т. е. государства и церкви, политики и религии»²⁵, византийский – при-

мирением этих крайностей. Предпочитаемый у нас многими, писал Светлов, византийский тип не был осуществлен и остается на положении идеала. А республиканский «создается неправильным разделением кесарева и Божия»²⁶.

Византийский тип, по Светлову, характеризуется признанием равноправия обеих сторон, имеющих свои задачи и пути их решения, а также стремлением к установлению взаимной пользы. Но после февраля 1917 года он уже многим представлялся внешним и поверхностным и не удовлетворял сторонников действительного взаимодействия церкви и государства. «Действительное взаимодействие» заключалось в *сотрудничестве* церкви и государства по строительству на земле Царства Божьего. (Акцент на Царстве Божиим на земле был характерен для богослова, он, а также религиозные реформисты и социальные христиане считали, что это и есть историческая цель государства и христианства.) При сотрудничестве, писал Светлов, церковь и государство «внутренним образом и свободно, объединяются (как душа и тело в человеке) в одно целое, именуемое “свободной теократией или христианским государством”»²⁷, объединение устанавливается не принуждением и действием внешних мер, а естественным путем органического соединения власти с верующим народом.

Республиканско-правовой тип – это сосуществование свободной церкви и безрелигиозного государства. Этот тип, согласно Светлову, судившему по печати, собраниям духовенства и мирян и чрезвычайным епархиальным съездам, стал популярен весной 1917 года. Для модели этого типа характерно не отделение, а *разделение* церкви с государством. Полное разделение он противопоставил ранее искомой «автономии» и (в 1917 году) «отделению» церкви. Свобода церкви и отделение ее от государства, считал он, – вещи разные, и

«русская Церковь... была наиболее свободно в период самой тесной связи с государством в начале своей истории. ... Не всяким отделением достигается свобода Церкви, менее же всего полным отделением»²⁸,

не всяким союзом или связью церкви с государством отрицается свобода церкви. Автономия церкви достигается в неполном отделении, а проведение принципа «разделения» ведет к обратному – к самой тяжелой форме церковной зависимости, «похожей на гонение церкви»²⁹.

Разделение «ведет к безрелигиозному государству с безразличным отношением к религии как объекту частного права, даже к гонениям на религию... В своем чистом виде безрелигиозный тип полного разделе-

ния церкви и государства не наблюдается в истории, и представляется возможным разве только в теории»³⁰. «Полный разрыв государства с церковью есть решительная невозможность, отрицаемая понятиями о суверенитете государства и церкви, которая по своей видимой человеческой стороне – есть внешнее учреждение или общество, состоящее из... граждан того же государства; поэтому государство вынуждено всегда регулировать правовое положение религиозных обществ и причислять их к объектам публичного права, подвергая оценке их вероучения и правила жизни с точки зрения своих государственных интересов»³¹.

В ситуации надежды общественности на созыв осенью Учредительного собрания Светлов предлагал гражданам хорошенько подумать перед голосованием в Учредительное собрание: нужно ли российскому государству отделение церкви, равносильное ее упразднению?

Правовую форму предложили церковные интеллигенты П. В. Верховской, В. Г. Павлов, Н. Н. Фиолетов, юристы В. И. Бошко и М. А. Рейснер. В свете смены политических режимов в стране она представлялась наиболее приемлемой формой взаимодействия, к тому же опробованной в Европе.

П. В. Верховской писал свою книгу в атмосфере надежды на созыв Учредительного собрания весной 1917 года (созыв был перенесен на осень) и считал, что нужно к этому времени сформулировать все необходимые требования. Они должны быть направлены на решение того, «как сохранить исключительную историческую ценность» Православной церкви, за тысячу лет христианства ставшей в России «величайшей народной святыней»³². Он выдвинул договорной союз, который исключал разделение: церковь становилась независимой в ее внутренней жизни общественной организацией с рядом привилегий (например, священники и псаломщики признавались невоеннообязанными, церковь имела право учреждать высшие и средние учебные заведения и содержать их за государственный счет, преподавать Закон Божий детям православных родителей в светских и частных школах). Неприкосновенными оставались церковные земельные владения и имущество, последнее освобождалось от налогов в случае отсутствия дохода; признавались судебные действия церковных учреждений, постановлений и должностных лиц. «Надзор» за церковью осуществлялся в общем судебно-административном порядке, государство по-прежнему выделяло денежные средства на церковные нужды³³. Это был вариант западно-христианского конкордата между светской и духовной властью.

За правовую форму с полным отделением церкви от государства от лица всех баптистов России высказался В. Г. Павлов.

«Мы, баптисты, – сказал он 3 апреля 1917 года, – считаем союз церкви с государством ненормальным, вредным для обеих сторон и решительно требуем отделения церкви от государства»³⁴.

Глава церкви – Христос, писал он, поэтому церковь не может сама от себя издавать законы; ни соборы, ни синоды, ни папы и собрания – ничто не может господствовать над нею³⁵. Такая постановка лишала церковь внутреннего самоуправления. В соответствии с законом о свободе совести, считал Павлов, Православная церковь не может быть господствующей, духовенство не имеет права на казенное содержание; права юридических лиц должны принадлежать всем религиозным общинам и союзам общин; курс православия может читаться в духовных учебных заведениях только в последний год обучения; преподавание Закона Божьего нужно сделать необязательным. Павлов предлагал считать религию частным делом; объявить все церковное имущество национальной собственностью, в том числе храмы, которые должно сдавать в аренду; духовные учебные заведения передать в ведение Министерства внутренних дел, церковно-приходские школы закрыть; ввести государственную регистрацию гражданских браков³⁶.

Н. Н. Фиолетов опубликовал статью весной 1917 года и считал, что правовые отношения церкви с государством вынудят республиканскую власть положительно относиться к религии, к ее значению для общественной и государственной жизни; создавать условия, при которых могла бы свободно проявляться и развиваться религиозная жизнь: предоставлять каждой церкви право самоуправления, признавать публичными религиозные учреждения, предоставить духовенству особые права и особое положение, выделять ему материальную помощь³⁷. Очевидно, что модель правовых отношений Фиолетова предполагала признание обеими сторонами того, что государство и церковь «соприкасаются в живой и нераздельной человеческой личности». Церковь нуждается в организации, имущественных средствах для отправления богослужений и не может относиться равнодушно к общественной жизни, писал Фиолетов. При этом он был согласен с позицией тех, кто считал, что государство и церковь – «общества» различные (задача церкви – приготовление к Царству Божию, которое не от мира сего, а государство имеет целью установление внешнего порядка и содействие земному благополучию его членов). Фиолетов брал в качестве примера эволюцию госу-

дарств Европы (от «полицейского» – в правовое, обеспечивающее свободу совести и религиозных обществ и союзов). Церковный интеллигент Фиолетов учитывал, что правовая модель даст статус господствующей церкви той конфессии, к которой будет принадлежать большинство населения страны, что скажется и на церковных праздниках, и на обязательном преподавании Закона Божьего, и на положении духовенства и его имущественной поддержке.

Модель полного отделения поддержал В. И. Бошко, считавший, что в России слишком сильно «спаяны были... нити политики и религии». Как и А. В. Карташев, изменивший свое мнение на посту обер-прокурора в пользу отделения церкви, Бошко был за принцип постепенного отделения церкви от государства и считал, что оно обязано «обеспечить церкви безболезненный переход... в... положение свободной церкви в свободном государстве», что в дальнейшем приведет к полному отделению ее от государства³⁸.

М. А. Рейснер был известным специалистом в области государственно-конфессиональных отношений. Как либерал, он с начала века считал, что любые провозглашаемые в самодержавной России принципы в области «церковного» права выгодны лишь для господствующего строя, но при этом выступал за запрет публичной проповеди атеизма [7: 107]. Поддерживая свободу совести как естественное право человека, он смотрел на церковно-государственные отношения с позиции марксистов. Рейснер был убежден, что лишь не причастная ни к какой религиозной конфессии «общественная власть» может гарантировать свободу вероисповедания [7: 107, 108].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большинство моделей, предложенных в 1917 году, переводили историческую Русскую церковь в статус общественной организации; независимо от вероисповедной принадлежности их авторов в приоритете были узко правовые отношения церкви и государства (несущие риск полного разделения). Принятие новым советским правительством, несмотря на протест духовенства, декрета 1918 года де факто закрепило готовность общества к полному отделению церкви. Мы получили одну из худших, но ожидавшихся общественностью форм сосуществования церкви и государства; началось преследование духовенства и мирян. Формировавшая культуру и менталитет России, церковь на долгие годы оказалась в бесправных условиях в атеистическом государстве с богоборческой властью и сегодня остается одной из общественных организаций, тогда как она – духовный институт с определенным

и неменяющимся содержанием. Как показал итог обсуждения 1917 года, моделируя церковно-государственное взаимодействие, следует учитывать принципы внутренней жизни церкви и охра-

нять ее традиции. Помещая церковь в чуждые ее природе условия социально-политической перестройки в государстве, мы подвергаем рискам устои и гражданского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Чего от нас ждет церковь? // Церковь и жизнь. 1917. № 5. С. 67.
- ² Светлов Павел Яковлевич (1861–1941) – протоиерей, магистр богословия (1886), с 1897 года профессор Императорского университета Св. Владимира (Киев).
- ³ Фиолетов Николай Николаевич (1891–1943) – специалист по церковному праву. Окончил Камышинское духовное училище, в 1913 году Московский университет, приват-доцент кафедры церковного права; в мае 1917 года профессор Пермского госуниверситета.
- ⁴ Карташев Антон Владимирович (1875–1960) – профессор СПбДА (1900–1905) и Высших женских (Бестужевских) курсов (с 1906), один из лидеров движения за церковную реформу в России.
- ⁵ Мейер Александр Александрович (1874–1939) – в 1895–1906 годах революционер; увлекся богоискательством, активный участник движения за церковную реформу в России.
- ⁶ Малахов Нил Михайлович (1884–1934) – кандидат богословия, в 1914–1915 годах редактор «Церковного вестника», издавал журнал «Церковь и общество».
- ⁷ Соколов Василий Петрович (1883 – не ранее 1931) – преподаватель словесности в гимназии М. С. Михельсона (Петроград); в 1917 году печатался в «Церковно-общественной мысли», в 1918 году в обновленческом журнале «Соборный разум».
- ⁸ Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962) окончил историко-филологический факультет Киевского университета (1908), магистр философии (1915), в 1906–1907 годах последователь С. Н. Булгакова; учредитель (1908) и председатель (1911) Киевского религиозно-философского общества, с 1916 года профессор Киевского университета.
- ⁹ Верховской Павел Владимирович (1879–1943) – крупнейший историк церкви Синодального периода, специалист по церковному каноническому праву, окончил (1906) Санкт-Петербургский университет и МДА; служил в канцелярии обер-прокурора Св. Синода (1906–1908), с 1909 года доцент кафедры русского права Варшавского университета, профессор (1913). Защитил диссертацию по вопросу об отношении церкви и государства в России (1917), разработал проект «Определения Священного Собора Православной Российской Церкви о правовом положении Православной Российской Церкви».
- ¹⁰ Павлов Василий Гурьевич (1854–1924) – один из основателей, а с 1909 года председатель Союза баптистов России.
- ¹¹ Бошко Владимир Ильич (1885–1949) окончил КДА (1910), юридический факультет Киевского университета (1918), доцент кафедры гражданского права (1920).
- ¹² Рейснер Михаил Андреевич (1868–1928) – публицист, кандидат права, участник I конференции РСДРП (в 1903–1905 годах продолжительно общался с социал-демократами, переписывался с Лениным); приват-доцент (1907–1918) Петербургского университета, после 1917 года участвовал в разработке первой советской конституции.
- ¹³ Отроков Николай Васильевич (1858–1940) окончил медицинский факультет МГУ, с 1905 года Вологодский уездный земский врач, организовывал народные библиотеки, школы, больницы. Имеет печатные труды по медицине.
- ¹⁴ Отроков Н. В. Должна ли церковь быть отделена от государства? Никольск, 1917. С. 4–5.
- ¹⁵ Малахов Н. Церковь и общество // Церковь и общество. 1916. № 1. С. 8.
- ¹⁶ Зеньковский В. В. Закат самодержавия // Церковно-общественная мысль. 1917. № 6. С. 7–8.
- ¹⁷ Там же. С. 9.
- ¹⁸ Там же. С. 11.
- ¹⁹ Там же. С. 14.
- ²⁰ Булгаков С. Церковь и демократия: Речь, произнесенная на первом Всероссийском съезде духовенства и мирян 2 июня 1917 г. в Москве. М., 1917. С. 7.
- ²¹ Там же. С. 3.
- ²² Там же. С. 8.
- ²³ Мейер А. А. Церковь и государство. Пг., 1917. С. 7.
- ²⁴ [Соколов В. П.] Чего от нас ждет церковь? // Церковь и жизнь. 1917. № 5. С. 67.
- ²⁵ Светлов П. Я., прот. О желательных отношениях государства и церкви в России // Церковно-общественная мысль. 1917. № 1. С. 8.
- ²⁶ Там же. С. 13.
- ²⁷ Там же. Курсив Светлова.
- ²⁸ Светлов П. Я. Есть ли основания к отделению церкви от государства. Пг., 1917. С. 2.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Светлов П. Я., прот. О желательных отношениях государства и церкви в России // Церковно-общественная мысль. 1917. № 1. С. 13.
- ³¹ Там же.
- ³² Верховской П. В. Церковь в обновленном государстве. Пг., 1917. С. 9.

³³ Там же. С. 15–16.

³⁴ Павлов В. Г. Отделение Церкви от государства. М., 1917. С. 4.

³⁵ Там же. С. 7.

³⁶ Там же. С. 36–28.

³⁷ Фиолетов Н. Н. Государство и церковь. М., 1917. С. 20.

³⁸ Бошко В. И. Отделение церкви от государства. Киев, 1917. С. 24.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белыева А. В. Церковь и государство в России в начале XX века: Учеб. пособие по спецкурсу «Государство. Общество. Церковь. XX век». Ярославль, 1999. 44 с.
- Васильева О. Ю. Российская православная церковь и Октябрьская революция 1917 г. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. Т. 37, № 1–2. С. 12–29.
- Воронцова И. В. «Заколдованный круг русского сознания»: проблемы социально-религиозного поиска в православной России второй половины XIX – начала XX века. М.; СПб., 2020. 933 с.
- Воронцова И. В. Трактат А. В. Карташева «Реформа, реформация и исполнения Церкви» // Диалог со временем. 2021. Вып. 76. С. 70–84.
- Государство, церковь и право. Конституционно-богословские и правовые проблемы: Материалы IX междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию восстановления патриаршества и избрания святителя Тихона (Белавина) на Всероссийский Патриарший престол. М., 2017. 502 с.
- Егоров А. Н. Министр исповеданий А. В. Карташев и конфессиональная политика Временного Правительства // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 3. С. 843–885.
- Исаков П. И. Роль М. А. Рейснера в подготовке Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви // Вестник ПСТГУ. Сер. II. 2021. Вып. 98. С. 106–117.
- Исповедь в застенках ВЧК. К биографии историка и общественного деятеля профессора и протоиерея П. В. Верховского // Вестник ПСТГУ. Сер. II. 2012. Вып. 5. С. 87–104.
- Карташев А. Временное правительство и Русская Церковь // Современные записки. Париж, 1933. Вып. LII. С. 368–388.
- Конфессиональная политика Временного правительства России: Сб. док. / Сост., пред. и комм. М. А. Бабкин. М., 2018. 558 с.
- Лескин Д. Церковно-государственные отношения в преддверии Поместного собора 1917 года // Поволжский вестник науки. 2020. № 1. С. 7–12.
- Николин А., свящ. Церковь и государство: История правовых отношений. М., 1997. 429 с.
- Кашеваров А. Н. Русская Православная Церковь между Февралем и Октябрем 1917 г. // Петербургская историческая школа. СПб., 2001. С. 153–169.
- Печорин А. В., Сухарев Ю. М. Поместный собор Российской православной церкви и первый чрезвычайный Всероссийский съезд духовенства и мирян в воспоминаниях екатеринбургского протоиерея Алексия Игнатьева // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 2. С. 148–180.
- Потапова Н. Евангельские христиане и баптисты России в революционном процессе 1917–1922 гг.: трансформация идентичности (по материалам конфессиональной прессы) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2019. Т. 37, № 1–2. С. 396–416.
- Синельников С. П. К характеристике государственно-церковных отношений в России в 1917–1918 гг. // Русская словесность как основа Русского мира: Материалы XV Междунар. форума. Липецк, 2020. С. 288–291.
- Соколов А. В. Временное правительство и Русская православная церковь: 1917 год: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 26 с.
- Смолин М. Б. Церковь, государство и революция. М., 2013. 93 с.
- Фирсов С. Л. Святейший Правительствующий Синод накануне и во время революции. Историко-социологический очерк // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2019. Т. 37, № 1–2. С. 90–103.
- Фирсов С. Л. Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996. 660 с.

Поступила в редакцию 22.10.2021; принята к публикации 17.01.2022

Review article

Irina V. Vorontsova, Cand. Sc. (Theology, History), Senior Researcher, Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-0272-6513; irinavoronc@yandex.ru

RUSSIAN PUBLIC OPINION ABOUT CHURCH AND STATE IN THE FIRST MONTHS AFTER THE FEBRUARY REVOLUTION

Abstract. The Revolution in February of 1917 gave an opportunity to fulfill the long-standing request of the Russian Orthodox Church for independence from the state. Cultural, church and public figures started a discussion

about the new status of the church and models of interaction between the church and the authorities, which revealed the readiness of the enlightened circles of Russian society for the separation of church and state. The objective of the article was to analyze all the models of church-state relations proposed in the first half of 1917 and to track the evolution of the request. The purpose of the article was to answer the question, what models of church-state relations were presented in the first half of the year, and how the emphases and priorities were set. The answer would help to suggest that the decree of the Council of People's Commissars on the separation of church and state and the separation of school and church (1918) only consolidated the internal readiness of many people to make religion a private matter of citizens, with the Orthodox Church being only one of public organizations. Today, it is important to restore religious consciousness in society as a guarantor of social stability, morality and traditional ethics, so, there is a search for mechanisms of interaction between the church and state structures. This indicates the need to address the question of what contributed to the destruction of the church-state union that existed before 1917. The sources were books and articles of cultural, public and church figures published in the first half of the XX century. The study methodology included the problem-based chronological method, the genetic historical method and narrative analysis. The analysis of the content of the proposed church-state interaction models in republican Russia of 1917 showed that from March to June the theocratic model of the early century disappeared from public view. It also confirmed that during the discussion the request for church independence was replaced with the idea of the complete separation of church and state with the gradual expulsion of church beyond cultural and social boundaries.

Keywords: church and state, February Bourgeois Democratic Revolution, church-state interaction model, separation of church and state, 1917

For citation: Vorontsova, I. V. Russian public opinion about church and state in the first months after the February Revolution. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(2):47–55. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.731

REFERENCES

1. Belyaeva, A. V. Church and state in the early-twentieth-century Russia: Textbook. Yaroslavl, 1999. 44 p. (In Russ.)
2. Vasilyeva, O. The Russian Orthodox Church and the October Revolution. *State, Religion, and Church in Russia and Worldwide*. 2019;37(1–2):12–29. (In Russ.)
3. Vorontsova, I. V. “The enchanted circle of Russian consciousness”: problems of socio-religious search in Orthodox Russia in the second half of the XIX century and the early XX century. Moscow, St. Petersburg, 2020. 933 p. (In Russ.)
4. Vorontsova, I. V. “Reform, reformation and replenishment of the Church”: historical and analytical review of A. V. Kartashev’s treatise. *Dialogue with Time*. 2021;76:70–84. (In Russ.)
5. State, church and law. Constitutional, theological and legal issues: Proceedings of the IX international research conference commemorating the 100th anniversary of the Patriarch’s restoration and election of St. Tikhon (Bellavin) as the Patriarch of Moscow and All Russia. Moscow, 2017. 502 p. (In Russ.)
6. Egorov, A. N. Minister of Confessions A. V. Kartashev and confessional policy of the Provisional Government. *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*. 2021;5(3):843–885. (In Russ.)
7. Isakov, P. I. The role of professor M. Reusner in preparing of the decree on the separation of church from state and school from church. *St. Tikhon’s University Review. Series II*. 2021;98:106–117. (In Russ.)
8. Confession in the dungeons of the Cheka. The biography of the historian and public figure Professor and Archpriest P. V. Verkhovsky. *St. Tikhon’s University Review. Series II*. 2012;5:87–104. (In Russ.)
9. Kartashev, A. The Provisional Government and the Russian Church. *Contemporary Annals*. 1933;LII:368–388. (In Russ.)
10. Confessional policy of the Provisional Government of Russia: Collection of documents. Moscow, 2018. 558 p. (In Russ.)
11. Leskin, D. Church and state relations on the eve of the Local Council of 1917. *Volga Bulletin of Science*. 2020;1:7–12. (In Russ.)
12. Nikolin, A. Church and state: History of legal relations. Moscow, 1997. 429 p. (In Russ.)
13. Kashevarov, A. N. Russian Orthodox Church from February to October of 1917. *St. Petersburg historical school*. St. Petersburg, 2001. P. 153–169. (In Russ.)
14. Pechorin, A. V., Sukharev, Yu. M. The All-Russian Church Council of the Russian Orthodox Church and the First Extraordinary All-Russian Congress of the Clergy and Laity in the memoirs of the Ekaterinburg Archpriest Alexey Ignatiev. *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*. 2018;2:148–180. (In Russ.)
15. Potapova, N. Evangelical Christians and Baptists of Russia in the revolutionary process of 1917–1922: transformation of identity (based on materials of the confessional press). *State, Religion, Church in Russia and Worldwide*. 2019;37(1–2):396–416. (In Russ.)
16. Sinelnikov, S. P. The characteristic of state-church relations in Russia in 1917 and 1918. *Russian literature as the basis of the Russian world: Proceedings of the XV international forum*. Lipetsk, 2020. P. 288–291. (In Russ.)
17. Sokolov, A. V. The Provisional Government and the Russian Orthodox Church: 1917: Author’s abstract of Diss. Cand. Sc. (History). St. Petersburg, 2002. 26 p. (In Russ.)
18. Smolin, M. B. Church, state and the Revolution. Moscow, 2013. 93 p. (In Russ.)
19. Firsov, S. L. The Most Holy Governing Synod on the eve and during the Revolution. An historical and sociological essay. *State, Religion, Church in Russia and Worldwide*. 2019;37(1–2):90–103. (In Russ.)
20. Firsov, S. L. The Orthodox Church and state in the last decade of the existence of autocracy in Russia. St. Petersburg, 1996. 660 p. (In Russ.)